

Мы с Вэй Ицзунем зашли в зону прохладительных напитков. Его верные соколы из баскетбольной команды, завидев нас издали, едва шеи не свернули — глазам своим не верили.

Я остановился и обернулся к спутнику:

— Позовем их к нам?

Вэй Ицзунь тут же закивал и махнул рукой. Парни, сгорая от любопытства, мигом примчались к нашему столу со своими подносами. «Банда Лин» теперь существовала лишь на словах, школой безраздельно правила «Банда Инь», но эти шалопаи всё так же исправно ходили на уроки — просто их будни потеряли былой азарт и цель.

— Угощаю! — Я небрежно бросил на стол купюру. — Заказывайте что хотите.

Ребята замялись, опасливо поглядывая на Вэй Ицзуня. Я давно понял: он у них вожак. Если он признает меня другом, они тоже будут за мной хвостиком бегать.

На самом деле мы с ним никогда не разводили розовых соплей про «братство навек». Чем лучше я его узнавал, тем отчетливее видел: если не считать того, что парень в упор не видит разницы между мальчиком и девочкой, в остальном он весьма хваткий и чуткий. С того момента, как он за мной увязался, тот точно знал: я принял его в свой круг.

— Ну же! — Вэй Ицзунь усмехнулся и отвесил пинок ближайшему приятелю. Он снова широко и солнечно улыбнулся. — Чего застыли? Раз угощают — налетайте!

Вот таким он мне и нравился: ясный взгляд, искреннее простодушие и эта лихая манера. Именно такой парень достоин быть другом Цзи Сюэлина.

— погоди! — Вэй Ицзунь вдруг окликнул паренька, уже убежавшего к стойке, и смущенно взъерошил волосы. Он спросил: — Забыл спросить... тебе-то что взять?

— Свежевыжатый апельсиновый.

Я сказал это лишь раз. С того дня, куда бы мы ни пришли, он неизменно помнил об этом — если только я сам не просил чего-то другого. Позже таких мелочей накопилось столько, что они буквально росли в нашу общую жизнь.

Тогда я не задумывался, сколько лет продлится наша дружба и какой неподъемный груз чувств навалится на нас со временем. Все последующие шесть лет Вэй Ицзунь, верный своему первому решению, следовал за мной шаг в шаг. Мне это льстило, я наслаждался нашей близостью, пока она, словно снежный ком, не докатилась до критической отметки. К восемнадцати годам я научился думать глубже и понял: ради него и ради себя нам нужно

разойтись. Возможно, на время, а может — и навсегда. Только на расстоянии можно объективно понять, что за чувство на самом деле скрывается под этой привязанностью.

Но тогда нам было по тринадцать-четырнадцать, и мы просто радовались каждому дню.

Я учился в первом классе, Вэй Ицзунь — в третьем, но это не мешало нам сколотить крепкую компанию. Я сознательно не хотел выделяться, поэтому каждый вечер пропадал с ними на баскетбольной площадке. В этой толпе я был самым щуплым и низким, но авторитет мой был непререкаем. Вэй Ицзунь был лидером для всех, а я был лидером для него самого. И хотя этот простодушный парень никогда не признавал этого вслух, его поступки говорили красноречивее слов.

Остальные ребята перестали смотреть на меня свысока не только из-за Ицзуня. Я пару раз показал им, на что способен. При всей моей внешней хрупкости, в прыгучести и взрывной силе мне не было равных. Однажды я так приложил противника локтем, что тот ушел в нокаут. Сказались годы уличных драк — на поле я играл дерзко и зло.

Помимо спорта мы, конечно, перемывали косточки всей школе. Мальчишки ведь народ любопытный: если не гредишь о девчонках, значит, тривишь байки и обсуждаешь сомнительные сплетни.

После того как страсти по поводу «Цзи Сюэлин — на самом деле парень» утихли, мой образ окончательно закрепился на баскетбольной площадке. Но свято место пусто не бывает: по кампусу поползли слухи, что Гао Нин, один из главных красавчиков школы, — «пластиковый». Якобы он перекроил себе лицо, чтобы казаться лучше.

Подростки народ категоричный. Гао Нин, переведшийся к нам недавно, уже в первую сессию показал блестящие результаты: третий в рейтинге по параллели и первый в классе. Такой успех неизбежно рождает зависть и недоброжелателей. Он еще не успел толком обжиться в коллективе, как на него обрушился этот скандал.

Хуже всего повели себя девчонки из «Банды Нина». Те, кто раньше боготворил его, теперь кричали об обмане и травили бедолагу с особым остервенением, вымещая на нем все свои обиды.

Цзи Сюэинь подложила ему знатную свинью, и я, признаться, недооценил масштаб разрушений. Сказать, что Гао Нин сам виноват — значит ничего не сказать, он просто перехитрил самого себя. Я мог бы и дальше злорадствовать, но люди, которые слишком отчаянно стремятся к победе, часто оказываются самыми ранимыми внутри. Гао Нин лишился шанса стать «школьным идиолом» — я решил, что этого наказания с него хватит. И, по натуре будучи человеком незлобивым, решил замолвить за него словечко. Уважаю сильных соперников.

На следующий день в переполненной столовой я намеренно встрял в общий разговор.

— Гао Нин делал операцию не ради красоты, — уверенно заявил я. — У него была сломана переносица, пришлось исправлять, вот и всё.

— Откуда такие сведения? — Вэй Ицзунь недолюбливал Гао Нина, и было видно, что он надеялся на очередную сплетню.

— Потому что тогда у меня тоже был перелом, — я спокойно нажал на левую сторону груди, где когда-то болели ребра. — Мы лежали в одной больнице.

Вэй Ицзунь тут же посерьезнел. Он не сводил глаз с того места, которое я накрыл ладонью.

— Сейчас... всё в порядке? — тихо спросил он.

— Конечно. Давно зажило.

Видя, как он напрягся, я понял, что правильно сделал, не договорив правду. Если бы я признался, что именно Гао Нин сломал мне ребра, Вэй Ицзунь возненавидел бы его навсегда.

<http://bllate.org/book/17483/1692643>